

Проблема сохранности корабельного леса в XVIII веке

Г.А. Гребенщикова

В эпоху деревянного кораблестроения основным строительным материалом был лес. От условий произрастания деревьев, их правильной заготовки, хранения и способов доставки на верфь зависели сроки службы будущего корабля и экономное расходование государственных средств. Поэтому сразу же после прихода к власти Екатерина II в числе задач первоочередной значимости выдвинула составление положения о сохранности корабельных рош и о методах борьбы с гниением деревьев — «как их отгнилости сберечь». Сам факт обращения внимания императрицы в первый же год своего царствования на состояние казенных рош в местах их традиционного произрастания свидетельствовал о серьезном подходе к решению проблем флота. На одном из заседаний своего кабинета она высказала недовольство по поводу «худого качества казанского дуба», после чего поручила немедленно разобраться, по какой причине «в строениях кораблей порча случается, и корабли не более десяти или двенадцати лет служить могут». По словам Екатерины, о таких коротких сроках службы кораблей она «без прискорбности слышать не может»¹.

Одновременно императрица направила в Адмиралтейств-коллегию короткую записку: «Слышно из Казани, что от слабого наблюдательства заготавливаемые казенные корабельные леса лежат без покрывки и гниют. Коллегии Адмиралтейской прилежное наблюдательство иметь, и поискать к заготовлению и отправлению лучших способов, ибо слышно, что во отправлении оного леса до Питербурга много напрасных расходов есть»². Екатерина II была не единственной, кого волновала проблема корабельного леса. Эволюция лесного законодательства началась еще при Петре I в связи с возникшей потребностью в поставках на верфи дерева для нужд кораблестроения.

Стремясь утвердить за Россией статус морской державы, Петр — по примеру европейских монархов — стал рассматривать вопрос о лесоводстве в России как одну из главных статей государственного бюджета и как важную экономическую составляющую в рамках единого хозяйственного механизма.

В России начинания Петра I в строительстве регулярного флота на Балтике выявили наиболее слабые стороны лесоводства, когда при громадных площадях лесных угодий иногда было невозможно найти подходящие деревья именно для судостроительных целей. Петр начал с того, что в 1701 г. подписал указ о запрещении расчищать лес под пашню и сенокос на расстоянии 30 верст от славянских рек³. Этим запретом он намеревался обеспечить сохранность леса в тех местах, откуда было удобно осуществлять его перевозку и доставку к верфям. Следующим указом — «Об описи лесов во всех городах и уездах, от больших рек в сторону по 50, а от малых по 20 верст» — Петр положил начало лесному законодательству в России и целому ряду постанов-

лений о сохранности леса⁴. Лес был поделен на заповедный («к рубке недоувоенный») и «доувоенный к рубке». К разряду деревьев, запрещенных к рубке, относились дуб, клен, вяз, карагач, лиственница и сосна «12-вершкового» диаметра. Разрешалось рубить липу, березу, ясень, ольху, ель, орешник и сосну диаметром менее 12 вершков.

Согласно воззрениям Петра на эту проблему, лес являлся достоянием всего государства, поэтому и была введена система жестких санкций и наказаний за различные нарушения законов в этой области. До всенародного сведения доводилось: «Буде кто сему указу станет чинить противно, на них за всякое срубленное дерево, кроме дуба, будет пеня по 10 рублей: за дуб, кто хотя одно дерево срубит, также и за многую заповедных лесов посечку, учинена будет смертная казнь»⁵. Закон 1703 г. впервые указал на необходимость описи заповедных лесов — независимо от того, принадлежали они частным лицам или государству (казне). При жизни Петра I такую опись уже начали проводить; подтверждались и денежные штрафы в особо крупных размерах, даже за сбор дубового валежника. С образованием Адмиралтейств-коллегии и ее контор⁶ управление лесами стало находиться в ведении особой конторы — вальдмейстерской. Надзор за всеми государственными лесными массивами осуществлял обер-вальдмейстер, на местах работали вальдмейстеры. В распоряжение вальдмейстеров поступали унтер-вальдмейстеры, которым поручался надзор над 2—3 тыс. дворов, а в качестве их помощников подбирали еще и «добрых людей» из приказчиков или крестьян. Со временем система вальдмейстеров в Российской империи стала широко распространенной — их деятельность проходила в таких крупных городах как Петербург, Москва, Казань, Воронеж, Рязань, Брянск, Новгород, Псков и Смоленск⁷.

Кроме Адмиралтейств-коллегии надзор за лесными угодьями входил в компетенцию государственной Камер-коллегии. Со временем законы становились все более суровее. В подписанных в 1718—1719 гг. указах «О сохранении дубовых лесов и о жестоком наказании тех, которые станут рубить, также и тех, которые рубить приказу» и «О воспрещении рубки годного для кораблестроения леса, об охранении оного и о наказаниях за недоувоенную порубку лесов» полагалось «вырезав поздри, ссылать на каторгу»⁸. В целом же строгая система запретов в отношении лесных массивов — от угрозы тяжелых телесных наказаний до крупных денежных штрафов, вечной каторжной работы и смертной казни — являлась характерной особенностью царствования Петра I.

Идеи Петра в области лесного права получили развитие в царствование Анны Иоанновны. В 1732 г. вышло постановление под названием «Инструкция или устав о заводе и о севе для удовольствия Ея Императорского Величества флота вновь лесов». «Адмиралтейская коллегия долженствует иметь старание, чтоб для строения корабельного и других принадлежащих ко флотам Ея Императорского Величества судов, дубовые и прочие угодные деревья ныне из молодых роши подчищены; а впредь для содержания флота вновь с удовольствием в благоприятных и способнейших местах леса посеяны и в добром охранении содержаны были». Для выполнения высочайшего указа из Германии были вызваны специалисты лесного дела и лесные надзиратели — форстмейстеры. На них возлагалась важная государственная обязанность — заботиться о разведении лесов, не допускать пожаров, «ходить за лесом». Форстмейстерам поручалось обучить секретам своей профессии приставленных к ним учеников, ничего от них не скрывая и не утаивая. Каждому форстмейстеру полагалось шесть учеников, и за хорошо подготовленного специалиста им выдавалась награда в размере 50 рублей⁹.

Принятая при Анне Иоанновне инструкция содержала много указаний технического характера о том, как выращивать лес и хранить семена («приискывать семена доброго качества, оные зимою хранить в удобном месте, где б безмерной стужи или теплоты не было, також беречь от великой мокроты и сухости, дабы оные не могли гнить или прежде времени выростать») и как ухаживать за молодыми деревьями и какой из способов является наиболее целесообразным для рубки дерева. «Бережные для Адмиралтейства» роши подлежали строгой охране. За всякое повреждение такого леса виновного, «быв кнутом и вырезав поздри», ссылали «в каторжную работу вечную», и даже за случайный поджог заповедных рош грозила смертная казнь. Центральным органом наблюдения за исполнением законов оставалась Адмиралтейств-коллегия, по местные органы, губернаторы, воеводы и форстмейстеры должны были строго наблюдать за соблюдением законов и постановлений.

Из-за недостатка ценных пород дерева, например дуба, в царствование Анны Иоанновны практиковалось увеличение площадей под искусственное разведение дубовых рош. Для «размножения и бережения» ценных деревьев выходили специальные постановления правительства о скорейшем переводе целых поселений на другие

Гребенщикова Галина Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного морского технического университета.

места. В целях сокращения объема продаж некоторых уникальных пород деревьев за границу была введена система высоких пошлин и тарифных ставок, подтверждаемых «высочайшим благоволением» поощрялось искусственное выращивание дуба помещиками в своих имениях, а выращенные деревья казна покупала для нужд флота.

Несмотря на жесткую систему правительственных мер, незалого до прихода к власти Екатерины II выявилась непрочность всей вертикали лесной администрации. Начальный импульс этому процессу придали манифест Петра III от 18 февраля 1762 г., известный как указ о вольности дворянства, и дворяне, если сами того не желали, могли и не исполнять обязанности вальдмейстеров на местах. Тем самым дворянам и оставшимся офицерам предоставлялась возможность уклониться от надзора за лесом. Для этих целей правительству Екатерины II пришлось изыскивать другие способы. В частности, после реформирования Адмиралтейств-коллегии три конторы — адмиралтейская, сарварская и вальдмейстерская были объединены в единую Интендантскую экспедицию, которая стала осуществлять общий надзор за корабельным лесом.

Императрица продолжила практику «выписывания» из-за границы специалистов лесного дела — форстмейстеров; охрана леса на местах была поручена унтер-офицерам и солдатам, ранее состоявшим при вальдмейстерах, а также сотникам в селениях, приписанных к адмиралтейству. В одной из собственноручных записок Екатерины II изложены ее размышления по вопросу лесоводства в России. «Мы ни в чем так не грешим, как по части лесов, — писала она. У нас леса в небрежении; петлю людей, знающих в этом деле толк; срубив дерево, о нем так же мало заботятся, как пока оно на корню. Я давно говорила, что надобно награждать помещиков, которые будут беречь свои леса и потом продавать их на сруб Адмиралтейству. Хотя Адмиралтейство имеет в своем распоряжении обширные леса в Казанской губернии, но с ними до крайности дурно поступали, не потому, что не было постановлений на этот предмет, но по неисполнению их и по неимению сведущих в деле людей»¹¹.

О том, насколько глубоко продуманными именно с государственных позиций были намерения Екатерины II в отношении лесного законодательства, свидетельствует ее указ Правительствующему Сенату «О приеме работников, без печатных паспортов, на суда, отправляемые в Санктпетербург с корабельным лесом». На его основании губернаторам и воеводам запрещалось выдавать паспорта «сомнительным» и «воровским» лицам, а Адмиралтейств-коллегии предписывались особые «накрепчайшие указы». Их смысл заключался в следующем. Для отправления корабельного леса с мест вырубки до Петербурга строили специальные баржи, на которые нанимали сезонных работников — как правило, из крестьян. Они выполняли работы по доставке дерева к пристани, погрузке и транспортировке до столицы. Командирам таких судов запрещалось нанимать тех людей, которые не предъявят паспортов, оформленных по всем правилам. В случае, если у наемного работника окажется всего лишь письменная бумага, выданная старостой, его следовало «отсылать в провинциальные и воеводские канцелярии, в которых оные крестьяне свои жилища имеют, и описав их рост и приметы, с данными печатными паспортами отпускать к тем судам немедленно»¹².

В апреле 1765 г. резолюцией «С Богом» императрица подтвердила доклад Адмиралтейской коллегии. Члены коллегии представили ей модели сараев для хранения корабельного леса — «какие колебания вместо згнивших деревянных построить проектировала, для отвращения весьма великого казне ущерба». Небрежное и неправильное хранение национального достояния наносило огромный ущерб казне. Судя по изложенным в документах фактам, срубленные деревья разбрасывали где попало — «по разным каналам и рекам в барках, а по берегам в гудах, от чего почти ежегодная трата бывала». В период половодья и большой воды дерево «разносилось течением», а то, что лежало «в гудах» на берегу без навесов, гнило. В докладе указывалось, что «в проектируемом ныне все оное не токмо отвращено, но и к дальнейшей их прочности и сбережению достаточное средство изыскано»¹³. На постройку сараев для хранения корабельного леса было выделено 200 тыс. рублей.

При Екатерине II были приняты меры по охране лесов от пожаров. В одном из документов отмечено, что сотником во время объезда было «усмотрено, что крестьяне от совершенной глупости во время работ раскладывают огни, и оные не потуша, оставляют. А иногда рубят для своих надобностей лес, вершины отняв, и кладут в костры, и зажигая, так же и оставляют и леса запаливают». Поэтому были введены строгие меры по охране лесов от пожаров, а также запрет «из стоячего дерева всякие дрова иметь». Крестьянам разрешалось использовать только валежник¹⁴.

В течение 1764—1765 гг. был разработан комплекс правил по рубке дубового леса. Конечно, по сравнению с петровскими указами лесное законодательство Екате-

рины II представляется более гуманным из-за отсутствия особо жестоких телесных наказаний и смертной казни, но строгость мер ответственности не снижалась. По распоряжению императрицы в местах произрастания казенных рощ «учинялось за дубовым лесом строгое смотрение». В случае обнаружения порубки за каждое срубленное дерево с сотника брали по одному рублю штрафных денег, с пятидесятника и десятичника — «по полтине». Кроме штрафа их полагалось еще «сесть плетями до трех раз». В случае повтора незаконной вырубки леса эти же лица, призванные осуществлять строгий надзор за казенным лесом, а именно — сотник, пятидесятник и десятичник, вместе со штрафными санкциями наказывались уже битьем кнутом¹⁵. Из-за экономии дубового леса, крайне необходимого для строительства линейных кораблей, комиссия запретила крестьянам, мещанам и обывателям в городах изготавливать полозья для саней из дуба, лиственницы, ильма и вяза. В этих целях разрешалось использовать только такие породы дерева как береза, осина и ольха.

В 1764 г. вышел высочайший указ Сенату «об учинении описи и карт всем лесам Архангелогородской губернии». С этой целью от Военной коллегии в Архангельск был командирован капитан В. Дьячков, которому была дана особая инструкция — «сочинить опись и положить на карту» все леса, произрастающие в этом северном регионе. Обосновывая важность возложенной на Дьячкова миссии тем, что на архангельских верфях производилось военное кораблестроение, ему рекомендовалось обратить особое внимание на те леса, которые традиционно считались заповедными: дубовые, кленовые, лиственничные, вязовые, ильмовые и ясеневые. Капитан Дьячков также должен был произвести осмотр берегов Двины и впадающих в нее рек, а после на основании полученных данных вычертить схему удобного сплавления леса и доставки его к верфям. Помощь в выполнении правительственного поручения Дьячкову должен был оказывать архангельский губернатор с сотрудниками своей канцелярии¹⁶.

Во второй части указа следовал запрет всем «лесным промышленникам» рубить заповедные деревья и применять их для своих целей, а также требование «в свой раскол и промыслы никакой сосновый лес не употреблять». Этот запрет распространялся на местности от Устья Великого до устья Двины и прилегающих к ней береговых территорий вдоль рек Ваги и Пенеги. Одновременно правительство продолжило осуществление мер по упорядочению торговли лесом в северном регионе. В том же 1764 г. вышло постановление «О кондициях лесного торгова в Архангельской губернии, отданного Англическому купцу Гому на откуп»¹⁷.

Предистория этого дела была такова. Еще в 1752 г. по указу Елизаветы Петровны английский купец Дингли Гом получил фактически монопольное право на торговлю лесом в пределах Архангельской губернии. Ему разрешалось «по рекам, текущим в Лапландии, кроме впадающих в Двину и Белое море, вырубать всякий год и отпускать за море разных сортов лесу, а именно: брусьев и бревен сосновых и еловых до 250 000, маховых 1000 дерев, досок пиловых 200 000, дров березовых 5000 сажень, и притом велено с отпуску оных лесов за море пошлину брать по гарифу». В 1760 г. с Гомом был подписан контракт, по условиям которого лесной промысел отдавался ему и его наследникам на откуп сроком на 30 лет — до марта 1790 года. В основном пункте контракта было записано, чтобы Гом «избрал полезный план... построить значное число больших Российских лесных кораблей, и оными заготавливаемые по рекам, впадающим в Белое море, леса, с платежом в казну пошлин, во все иностранные порты отвозить, и тамо продавать на их деньги, и оные, сколько возможно будет, в оборот натурой в золоте и серебре в Россию ввозить»¹⁸.

В 1764 г. Сенат подтвердил привилегии этого купца в отношении международной торговли «позволенными разными сортами лесами» и постановил, что Гом должен всячески способствовать наращиванию темпов военного кораблестроения в Архангельске и его уездах. На реках Онеге и Мезени ему предстояло «строить наемными работными людьми корабли из соснового лесу», а в целях «скорейшего умножения» судов Гом получил специальное разрешение «на Двине реке при городе Архангельском строить ежегодно по три корабля». Для этого ему надо было активно сотрудничать с корабельным мастером Ламбе Ямесом¹⁹, который в тот период работал на архангельских верфях. По условиям контракта после выполненного объема работ Гом должен был отчислять в казну 10% от полученной прибыли. На тех же условиях ему разрешалось строить суда и на продажу за границу.

Заповедный лес рубить по-прежнему запрещалось. В целях «сохранения лесов к Государственному флоту» за деятельностью купца Гома и его коллег — «промышленников» устанавливался строгий контроль. Его осуществление было возложено как на военно-морское ведомство — Контору над Архангельским портом, так и на гражданское — губернскую канцелярию, а также на вальдмейстеров²⁰. Принятый в 1765 г.

Регламент об управлении Адмиралтейств и флотов закрепил основные положения по сохранности корабельных лесов, особенно дубового молодняка, и обозначил соблюдение правильной техники заготовки и рубки дерева. В частности, указывалось, что «в случае Государственной нужды в умножении флота» России необходимо иметь «довольное число лесов готовых, и должно стараться заводить вновь». Рубить лес следовало только зимой, чтобы весной его можно было сплавлять и доставлять на верфи, «дабы леса, лежа на пристанях напрасно год целый, не гнили, и для того рубить, сколько для строения по наряду потребно»²¹.

Для хранения лесных резервов в адмиралтействах строили просторные и удобные сараи, в которых дерево раскладывали по сортам, отдельно друг от друга и в зависимости от того, для какого ранга корабля оно предназначено. Конструкция сараев предусматривала, «чтобы леса не могли гнить от земных паров, которые при переменах воздуха лесам великий вред наносить могут». Леса, предназначенные для тимберовки (ремонта кораблей), подлежали отдельному хранению. Регламент 1765 г. предусматривал соблюдение и других правил. Например, после прихода барок с ледяной в сарай — так, чтобы «дерево на дерево не класть, у сараев в летнее время при хороших погодах окна открывать для прохождения сквозного ветра, а зимою и в худые погоды затворять»²². Еще в 1718 г. Петр I издал указ, по которому для рубки леса стали применять труд «иноверцев». С 1769 г. «люди, приписанные для рубки лесов», получили статус наравне с государственными крестьянами и стали платить годовую подушную подать в размере 1 рубля 10 копеек. В 1774 г. вышло постановление императрицы — каждому работнику («для приведения их в лучшее состояние») полагалась заработная плата в размере 16 коп. конному и 10 коп. пешему в день, от начала рабочего дня и до момента его окончания. За тот промежуток времени, который работники тратили от своего дома до места работы и обратно, пешим дополнительно платили по три копейки в день, «считая прохода на день по двадцати пяти верст», а конным — по шесть копеек, «считая проезд по пятидесяти верст на день»²³.

Таким образом, теоретические положения в отношении ценного природного ресурса — леса были выработаны вполне квалифицированно. Но требовались десятилетия, чтобы все предписанное в Регламенте или в других высочайших указах выполнялось точно в соответствии с буквой закона и в положенный срок. Зачастую небрежное отношение к корабельному лесу и заповедным роцам зависело не столько от незнания правил и технологий, сколько от нерадивости, лености, халатности и взяточничества тех людей, которые на государственном уровне были призваны «крепко смотреть» за лесными угодьями. Искоренить такое зло было трудно, а его последствия оказывались самыми серьезными, например, когда корабли начинали строить из сырого, плохо просушенного или бракованного леса. Это самым пагубным образом сказывалось на качестве постройки, приводило к скорой порче наборного дерева, корабли начинали гнить и быстро приходили в негодность. В результате боеспособность флота резко снижалась — суда нужно было либо ремонтировать, либо разбирать «за ветхостью», корабельный состав требовал срочного пополнения, а государственным средствам наносился огромный ущерб.

В царствование Павла I в 1798 г. впервые в истории лесной администрации Российской империи произошло образование Лесного Департамента. Первоначально он имел название Департамент для Лесной части при Интендантской экспедиции Адмиралтейств-коллегии. Однако в официальной переписке между различными ведомствами его сразу же стали называть Лесным Департаментом²⁴. В 1799 г. его возглавил адмирал О.М. Дерибас. Павел оставил прежнюю систему жестких правил по регламентации вырубки деревьев. С образованием при Александре I Министерства Лесной департамент в 1802 г. вошел в состав Министерства финансов, а позже, в 1894—1898 гг., он стал подразделением Министерства земледелия.

Примечания

1. Екатерина II — Адмиралтейств-коллегии, февраль 1763 г.: Российский Государственный Архив Военно-морского флота (РГАВМФ), ф. 227, оп. 1, д. 19, л. 47. На верфи Петербурга и Кронштадта дуб доставляли из Казанской, Орловской, Смоленской и других губерний.
2. РГАВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 19, л. 47.
3. Полное Собрание Законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Т. IV. СПб. 1830, № 1845, 30 марта 1701 г., с. 162.
4. ПСЗ РИ. Т. IV, № 1950, 19 ноября 1703 г., с. 228.
5. Там же.

6. Государственная Адмиралтейская коллегия (Адмиралтейств-коллегия) была образована 11 декабря 1717 г. по указу Петра I. Являлась центральным коллегиальным учреждением по руководству военной и всей административно-хозяйственной деятельностью флота. При Петре I состояла из 11 контор, при Екатерине II — из пяти экспедиций.
7. Столетие учреждения лесного департамента. 1798—1898. СПб. 1898.
8. ПСЗ РИ. Т. V, № 3149, 31 января 1718 г., с. 533—534; № 3391, 17 июня 1719 г., с. 716—717.
9. Там же. Т. VIII, № 6027, 20 апреля 1732 г., с. 754—757.
10. Там же, с. 754.
11. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном Архиве Министерства Иностранных дел. Июнь 1772 года. Сборник Русского Императорского Исторического Общества. Т. 13. СПб. 1884, с. 254—255.
12. ПСЗ РИ. Т. XVI, № 11.708, 11 ноября 1762 г., с. 110—111.
13. РГАВМФ, ф. 227, оп. 1, д. 22, л. 95.
14. Там же, ф. 147, оп. 1, д. 33, л. 26—27 об.
15. Там же, л. 1—1 об.
16. ПСЗ РИ. Т. XVI, № 12.172, 2 июня 1764 г., с. 780, 781, 783, 785.
17. Там же, № 12.223, 15 августа 1764 г., с. 863—865.
18. Там же, с. 864.
19. Ламбе Ямес — известный корабельный мастер. Приехал в Россию из Англии в 1737 г. и работал на верфях Архангельска и Петербурга в течение 50 лет.
20. ПСЗ РИ. Т. XVI, № 12.223, 15 августа 1764 г., с. 865—866.
21. Там же. Т. XVII, № 12.459, 24 августа 1765 г., с. 272—273.
22. Там же, с. 273.
23. Архив Санкт-Петербургского Института Истории РАН, ф. 203, оп. 1, д. 95, л. 3—3об.
24. Столетие учреждения Лесного Департамента, с. 18.